

диция, как видно из приписки схимника Василия, сохранялась и в XVI в. Писец сообщает, что он списывал «от рускаго извода, понеже не обрета- шесе сия книга Иосип нашимь сръбскимъ языкомъ ни в Светей горе в сръбскихъ монастырех, ни в сръбсцей земли, понеже много искахъ и испи- товахъ».³⁸ Приписка схимника Василия переключается с послесловием руко- писи 1615 г. (ГПБ, Ф. I, № 763), добавленным сербским монахом Йовом, который переписал эту книгу «в ските лаврском на келии Дионисия ри- тора» для сербского Студенецкого монастыря на Афоне «настоянием Дамаскина еромонаха». Книга представляет собой список с русского текста «Беседы» Иоанна Златоуста на евангелие от Матфея. В предисловии к «Беседе», сложенном Селиваном, сподвижником Максима Грека³⁹ (пер- вый лист этого предисловия в сербской рукописи утрачен), вместо обра- щения к «русскому московскому народу» серб переписчик написал «сербскому народу», прямо определив, кому назначен его труд. В конце рукописи читается послесловие серба Йова, содержащее пространное витиеватое обращение к читателям сербам с извинением за ошибки, допу- щенные им по незнанию языка: «Извод, от кого писах, велми бе тежак, почто беше рускин рукопис, и аз невежда языку тому и велик труд подъех».⁴⁰

Не надо забывать, что даже более близкие русским по языку украинцы в XVI—XVII вв. «переводят» на свой литературный язык произведе- ния, созданные не только в Московской Руси в XV—XVI вв., но и в том древнерусском периоде, когда языковое единство будущих трех на- ций — великорусской, украинской и белорусской — еще не было нару- шено.

Некоторые трудности, связанные с тем, что живой болгарский и серб- ский языки все более отходили от того древнеболгарского, который послу- жил основой литературного языка старшего периода, а следовательно, и «русские речи» славяно-русского литературного языка становились не во всем понятными, не могли, однако, препятствовать проникновению русских литературных произведений на славянский юг. Список их, предложенный М. Н. Сперанским, в настоящее время может быть расширен прежде всего за счет оригинальных русских произведений XV—XVI вв.

1. На интерес сербских летописей к событиям русской истории конца XV—XVI вв., указывает акад. М. Н. Тихомиров.⁴¹ Сведения русских ле- тописей, воинских повестей и русского хронографа входят в сербские летописи (например, в сербской летописи середины XVII в. есть прямая выписка из русского Хронографа об освобождении «православных» от турецкого ига; см.: Б. Ст. Ангелов. Из историята, стр. 313) и хроно- графы; известны и отдельные списки русских исторических повестей XV—XVI вв. В старой сербской книжности были известны две редакции русского Хронографа XV в. — редакция 1512 г., с середины или конца

³⁸ Эта запись полностью впервые издана в книге: Порфирий Успенский. Пер- вое путешествие в Афонские монастыри и скиты в 1846 году, стр. 131; переиздание: Б. Ст. Ангелов. Из историята, стр. 303; ср. также. Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I. М., 1887, стр. 214—215; см. также об этой приписке стр. 258—259 настоящего сборника.

³⁹ Текст этого предисловия по рукописи Антониева-Сийского монастыря конца XVI в., № 16—17, опубликован И. В. Ягичем в книге: Исследования по русскому языку, т. I. СПб., 1895, стр. 626—631.

⁴⁰ ГПБ, Ф. I, № 763; см.: Н. Н. Розов. Южнославянские рукописи Государ- ственной Публичной библиотеки, стр. 110. За сообщение сведений об этой рукописи принишу благодарность Н. Н. Розову.

⁴¹ Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. — Славянский сборник. ОГИЗ, 1947, стр. 183—184.